

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. Н. МОИСЕЕВА

К вопросу о датировке Задонщины

(Наблюдения над пражским списком
Сказания о Мамаевом побоище)

Вопрос о датировке Задонщины имеет важное значение не только для изучения самого этого произведения. Непосредственная зависимость Задонщины от «Слова о полку Игореве» до настоящего времени порождает споры, связанные с датировкой обоих произведений. Поэтому каждое наблюдение, которое может пролить свет на определение времени, когда могло быть написано произведение, прославляющее великую победу 1380 г. на поле Куликовом, представляет интерес.

О датировке Задонщины писал в своей ранней работе Д. Н. Альшиц. Он высказал мысль о том, что «Поведание» могло быть составлено до 1382 г., до нашествия Тохтамыша, когда Москва была взята монголо-татарскими войсками и сожжена. После похода Тохтамыша Москва снова была обложена громадной данью.¹

Более конкретные наблюдения были сделаны акад. М. Н. Тихомировым, когда, исследуя Задонщину, он обратил внимание на похвалу Руси, которая читается в списке Ундольского: «... а шибла слава к Железным вратом к Караначу, к Риму и к Сафе по морю, и к Которнову, и оттоле к Царюграду». Отделив предлог от слова «ко Торнову», М. Н. Тихомиров прочел слово «ко Тырнову». Он писал: «Под этим названием нельзя видеть иной город, чем столицу Болгарии — город Тырново. Нам известно, что последнее болгарское царство было завоевано турками в 1393 г., когда пал и Тырнов. Значит, первоначальный текст „Задонщины“ составлен не позднее этого года».²

Это наблюдение акад. М. Н. Тихомирова над похвалой, входящей в состав Задонщины, является перспективным и позволяет продолжить географический комментарий к городам, до которых дошла «слава» о великой победе русских войск на поле Куликовом 8 сентября 1380 г.

Похвала читается во всех списках Задонщины, но имеет ряд вариантов, происхождение которых может быть связано с индивидуальными особенностями списков, а в ряде случаев с очевидным непониманием текста переписчиками рукописи.

Приведем примеры:

1. ГБЛ, собр. Ундольского, № 632 (У): «А глава шибла к Желѣзным вратам, ли къ Караначи, к Риму и х Сафѣ по морю и к Которнову,

¹ Д. Н. Альшиц. Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа. — Учен. зап. Ленинградского гос. ун-та, 1939, № 36, с. 110—123.

² М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947, с. 202.

и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским кн(я)зем, и одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речѣке Напрядѣ».³

2. ГИМ, собр. Музейское, № 2060 (И-1): «Шибла слава к Желѣзнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолѣша Мамая на полѣ Куликовѣ» (с. 543).

3. ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 9/1086 (Ж-Б): «...вѣсть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ за дышущеем моремъ» (с. 549—550).

4. ГИМ, собр. Синодальное, № 790 (С): «Шибла слава к мору и к Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Царюграду, и што Русь поганых одолеша» (с. 553).

5. ГИМ, собр. Музейское, № 3045 (И-2): «И вознесся слава ру...» (с. 547). Список обрывается на этом полуслове.

6. Список БАН, I.4.I (Ж) представляет собой фрагмент из Задонщины без текста похвалы.

Таким образом, из 6 списков Задонщины в 4 сохранилось известие о распространении «славы» о победе русских.

Какой же из дошедших до нашего времени списков Задонщины передает текст, наиболее близкий к первоначальному? Р. П. Дмитриева убедительно показала, что Синодальный, № 790, лучше сохранил древнейшие чтения Задонщины.⁴ Для анализа чтений исследователь использовала так называемый Печатный вариант Сказания о Мамаевом побоище, получивший свое название потому, что текст этой редакции был опубликован И. С. Снегиревым по копии списка Р. Ф. Тимковского в 1829 г., ранее других списков Сказания.⁵ С открытием в 1852 г. Задонщины стало очевидным, что совпадения Печатного варианта Сказания со «Словом о полку Игореве» носят вторичный характер — они объясняются вставками из Задонщины, включенными в текст Сказания. Как известно, к Задонщине обращался и автор первоначального текста Сказания, и составители последующих редакций.⁶ Печатный вариант Сказания отличается как от остальных вариантов Основной редакции Сказания, так и от других редакций наибольшим числом вставок из Задонщины. Поэтому данный вариант Основной редакции Сказания представляет интерес не только для изучения самого Сказания о Мамаевом побоище, но и для изучения Задонщины. Привлечение новых списков этого варианта Сказания может внести некоторые уточнения и в текстологию Задонщины. В этом отношении, как нам кажется, представляет интерес список Печатного варианта Сказания пражского Национального музея, отмеченный в печатном описании Вашица—Вайса,⁷

³ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. (К вопросу о времени написания «Слова»). М.—Л., 1966, с. 538. Далее цитаты из Задонщины приводим по этому новейшему изданию с указанием страниц в тексте.

⁴ Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 262—263.

⁵ Сказание о побоище великого князя Дмитрия Иоанновича Донского. — В кн.: Русский зритель, журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов. М., 1829, ч. 5, с. 4.

⁶ См.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 385—439; Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — Там же, с. 440—476.

⁷ J. Vašica—J. Vajs. Soupis staro-slovanských roukopisu Narodního Musea v Praze, 1957, s. 168—169. Приношу сердечную благодарность директору Нацио-

однако до настоящего времени не опубликованный и не исследованный: «Сказание о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском» помещено в сборнике, переписанном полууставом середины XVII в., в составе которого находится Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына.

Первый лист пражского сборника в значительной степени разрушен. Посредством реставрации сохранена его левая часть, на которой видна треть общего заглавия Сказания Авраамия Палицына, написанная кинноварью.⁸ Заканчивается это Сказание сообщением о поставлении храма «великого чудотворца Сергия» в Троицкой деревне Девулине «по благословению великого государя святейшего Филарета Никитича патриарха Московского и всеа Руси архимандритом Дионисием со освященным собором в лета 1620 году декабря в 16 день».⁹

Сборник переписан на голландской бумаге с водяным знаком (голова шута с семью бубенцами), датированным началом XVII в.¹⁰ На листах 214 и 234 имеется запись 1846 г. об убийстве крестьянами «господина Егора Никитьевича». На последних листах сборника (л. 236—237) помещен небольшой словарь немецких слов, написанных по-русски, с их переводом. Почерк, которым написан словарь, относится ко времени не ранее середины XVIII в.

В печатном описании этой рукописи, хранящемся в Национальном музее г. Праги, указано, что в конце сборника имеется запись о том, что сборник куплен «P. Saturnikem v Moskvě r. 1928».¹¹

В настоящее время я не могла обнаружить этой записи, исчезнувшей, по-видимому, во время реставрации сборника, произведенной после его описания. Тогда же, можно думать, сборник помещен в переплет, несколько меньший по формату, чем предшествующий. Поэтому верхние и правые поля рукописи оказались подрезанными, что можно видеть по расположению строк Сказания Авраамия Палицына и Сказания о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском.

Интересующее нас Сказание о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском дефектно — имеет механический пропуск части текста, в котором описана Куликовская битва 1380 г. Сборник, побывавший в течение трехсот лет во многих руках, видимо, был сильно потрепан, и часть листов Сказания потерялась.

Но несмотря на этот дефект, пражский список «Сказания о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском како победи божиею помощию безбожного царя Мамаю со тмочисленными его воинствы» лучше передает более древний текст этого памятника, чем список Р. Ф. Тимковского, опубликованный И. С. Снегиревым. В нем более цельно передана заключительная похвала Русской земле и великому московскому князю Дмитрию Ивановичу — победителю «поганных». Похвала помещена после рассказа о том, как Дмитрий Иванович с оставшимися воеводами объехал побоище «сердцем кричае и слезами омываше... Стояв же князь великий за Доном восемь дней, дондеже розобраша христианская телеса, с нечестивыми. Христиан же похраниша колько успѣша, нечестивыя же повержены звѣремъ на расхищение». Далее кратко со-

нального музея г. Праги доктору Я. Врхотке за большую помощь, оказанную мне во время работы в Библиотеке Национального музея.

⁸ Knihovna Narodního Musea v Praze. IX.E.60, л. 1. Далее — KNM.

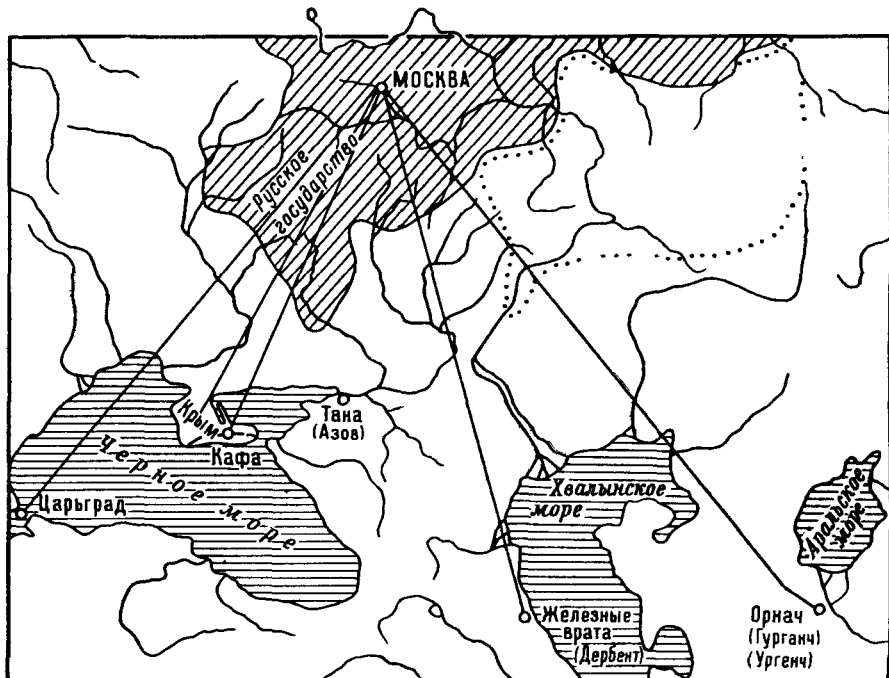
⁹ KNM, IX.E.60, л. 213 об.

¹⁰ Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries by Edward Heawood. *Hilversum*, 1950, p. 282, N 1987 (1605 г.).

¹¹ J. Vašíčka—J. Vajs. *Soupis staro-slovanských rukopisů...*, s. 171.

общается о судьбе Мамае: «А поганому царю Мамаю отселѣ збѣжавшу и добѣже, идѣже есть град Кафа. Имя же свое потаилъ быше. І познанъ бысть нѣкимъ гостемъ купцомъ фряскимъ. Ту і убиенъ бысть. Удалцы восплескаша в татарскихъ узорочьяхъ, везучи в землю свою укусы і насычи, бугай кони, и волы, и велбуды, меды і вина, и сахары».¹²

Заканчивается «Сказание» похвалой: «Превознесется слава русская над поганых землею. Ревуть рози великаго князя по всѣмъ землямъ. Пойде

Географический комментарий к заключительной похвале Печатного варианта Сказания о Мамаевом побоище.

же вѣсть по всѣмъ градомъ — ко Орначу и Крыму, к Кафѣ и к Желѣзнымъ вратамъ, и к Царюграду на похвалу: Русь бо поганыхъ одолѣша на полѣ Куликовѣ на рѣчке на Непрядне.

Воздадимъ хвалу Русской землѣ, кой градъ глава всѣмъ градомъ. Владимиръ і Ростовъ хвалу воздаютъ со всѣми грады, прославляючи милость божію во вѣки вѣкомъ. Аминь».¹³

Перечисленные в заключительной похвале географические пункты, до которых дошла «весть» о победе русских, дают известные основания для постановки вопроса о времени создания Задонщины, так как Печатный вариант в списке пражского Национального музея хорошо передает текст ее древнейшего вида. Это — Орнач, Железные врата, Крым, Кафа и Царьград — центр православия, связанный церковными и политическими узами с Русью и Золотой Ордой. Крым — владение Золотой Орды, Кафа — генуэзская торговая фактория в Крыму, связанная с Золотой Ордой договорными обязательствами. Ведь не случайно именно в Кафу бежал Мамай после разгрома его на поле Куликовом и битвы

¹² KNM, IX.E.60, л. 232 об.—233.

¹³ KNM, IX.E.60, л. 233.

с Тохтамышем. Железные ворота — это Дербент, восточная окраина владений Золотой Орды. А где же находился Орнач, первым названный в перечне городов, до которых дошла «весть» о победе русских над Мамаем?

О том, что это был значительный город, принадлежавший Золотой Орде, свидетельствует Московский летописный свод конца XV в., в котором читаем под 1346 г.: «... того же лета казнь бысть от бога на люди под восточною страню, на город Орнач и на Хазьторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочие грады».¹⁴

Еще раз мы встречаем это название в перечислении городов, которые были завоеваны Тамерланом (Темир-Аксаком) в битвах с Тохтамышем. «А се имена тем землям и царствам, еже поплени Темир-Аксак: Джагатайский улус, Хоросан, Китай, Синюю Орду, Шираз, Исфогань, Орнач, Шемаху, Савас, Арзерум, Тебриз, Тифлис, Гурзустани (Грузию), Абхазию, Багдад, Дербент («Темирбаты, рекше Железнаа Врата»), Ассирию, Вавилонию, Севастию, Армению, Дамаск, Сарай Великий».¹⁵

Акад. Б. А. Рыбаков пишет о том, что «основная часть списка соответствует завоеваниям Тимура 1372—1392 гг.».¹⁶

О том, какая судьба постигла Орнач, свидетельствует карта венецианского космографа Фра-Мауро, посетившего Нижнее Поволжье в первые годы XV в. вскоре после нашествия Тамерлана, когда большая часть когда-то цветущих городов превратилась в развалины.¹⁷ Орнач назван в итальянской транскрипции автора «Organsa».¹⁸ Рядом с названием Фра-Мауро нарисовал надгробие и приписал: «Sepulcrum real» — «в действительности могилы».¹⁹ Следовательно, город Орнач в конце XIV в. перестал существовать.

До разгрома Тамерланом Нижнего Поволжья Орнач был самой восточной точкой владений Золотой Орды, и автор Задонщины осмысленно назвал географические пункты: Орнач, Железные ворота (Дербент) были восточными пунктами владений Золотой Орды, Крым и Кафа — западными. Смысл заключительной похвалы Руси и был именно в том, что известие о победе московского великого князя Дмитрия Ивановича дошло до «опорных» пунктов владений Золотой Орды эпохи ее могущества. Было бы странным и неестественным, если бы автор Задонщины упомянул Орнач, до которого дошла «весть» о блестящей победе русских, — город, который после 1392 г. не существовал. Ургенч был построен много десятилетий спустя в нескольких десятках километров от древней столицы Хорезма.

В сохранившихся списках Задонщины эпизод, в котором рассказывается о распространении «славы», помещен до рассказа о сражении на поле Куликовом. В Печатном варианте он заключает повествование. В. П. Адрианова-Перетц писала по этому вопросу: «... есть основание полагать, что в первоначальной редакции Задонщины ... этот эпизод, рассказывающий об ужасном виде поля битвы и о славе Русской земли, стоял не в первой, а во второй части повести и относился к описанию

¹⁴ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 175.

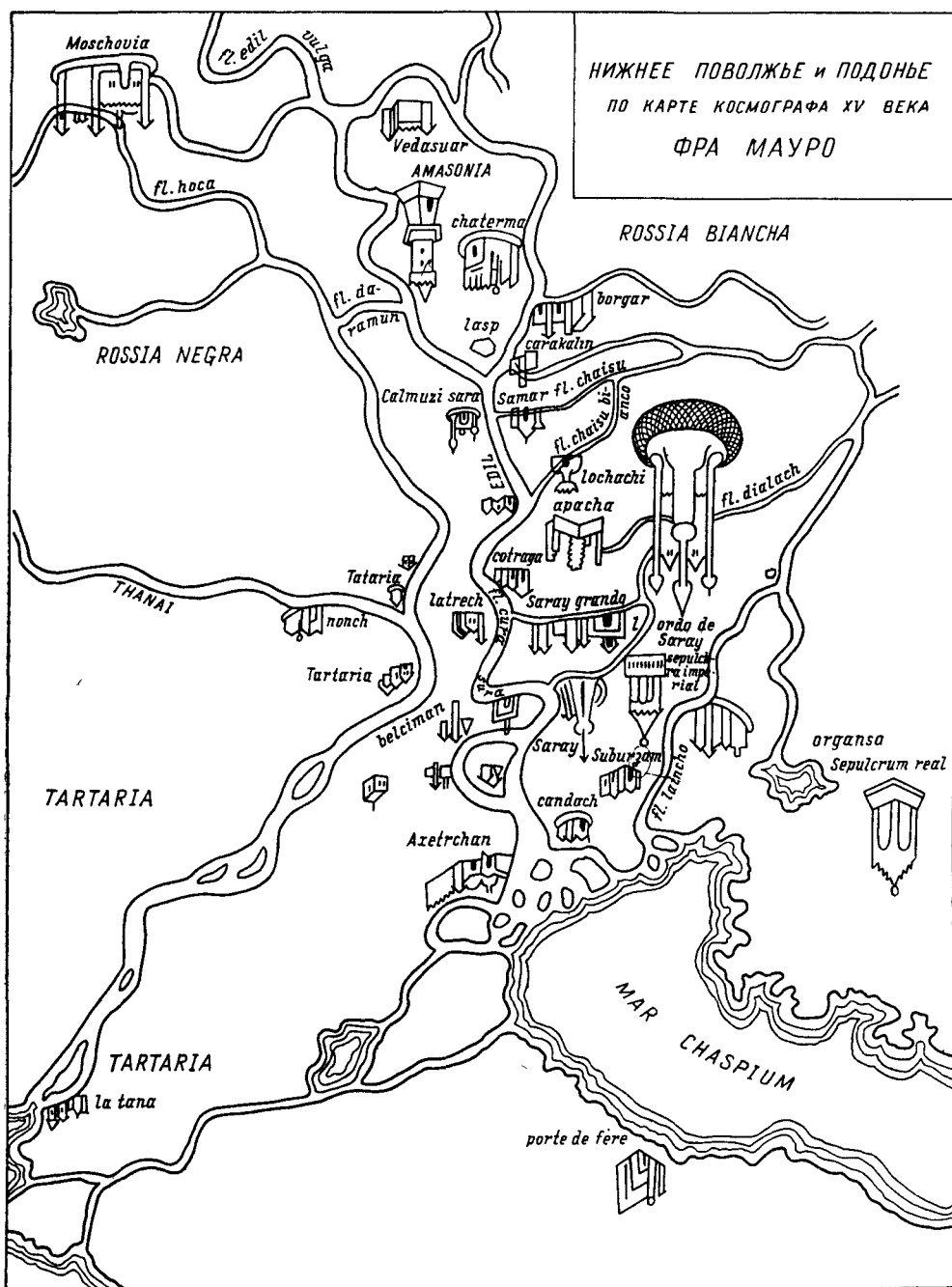
¹⁵ ПСРЛ, т. XI. М., 1965, с. 153.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Русские карты Московии XV—начала XVI века. М., 1974, с. 12.

¹⁷ Ф. Ф. Чекалин. Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро. — В кн.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии, т. II, вып. 2. Саратов, 1890, с. 247—251. Приношу сердечную благодарность акад. Б. А. Рыбакову, указавшему мне эту работу.

¹⁸ М. Н. Тихомиров считал, что Орнач — это Ургенч, см.: «Указатель географических наименований» к т. XXV ПСРЛ, с. 441.

¹⁹ См. географическую карту Фра-Мауро в книге Ф. Ф. Чекалина.

Карта итальянского путешественника Фра Мауро.

окончательного разгрома Мамаея». ²⁰ Л. А. Дмитриев, исследовавший вставки из Задонщины в Печатном варианте Сказания о Мамаевом побоище, также пришел к выводу о том, что этот эпизод восходит «к такому тексту „Задонщины“, в котором встречались чтения различных сохранившихся списков, т. е. к тексту, близкому их общему источнику». ²¹ Следовательно, чтение «похвалы Руси» в пражском списке Сказания о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском (представляющем Печатный вариант Сказания о Мамаевом побоище) отражает текст, близкий к первоначальной редакции Задонщины.

Эти наблюдения позволяют нам полагать, что Задонщина была написана до 1392 г. Эта дата совпадает с выводами М. Н. Тихомирова.

* * *

Текст пражского списка Сказания о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском публикуется в соответствии с правилами, принятыми в ТОДРЛ. ²²

Текст передается современным шрифтом с заменой букв: і — и, ѣ — е, ѿ, а — я; ѣ в конце слов опускается, ударения в словах сохранены.

**Сказание о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском,
како победи божиею помощию безбожнаго царя Мамай
со тмочисленными его воинствы**

Л. 215

Бысть сия побѣда и брань случись на Дону православным христіяном з безбожными агаряны. И како возвыси господь род христіянский, а поганых уничижи и посрами их суровство, яко же иногда Гedeон Мадіамы низложи, и Моисеом фараона потопи.

Подобает же нам, братие, ведати величия божия, како творит господь волю, боящихся его, и како пособи господь православному великому князю Димитрію Ивановичю Владимірскому на безбожны агаряны.

В лета 6887 (1379) году. Попущением божіим от научения дьяволя воздвигеся царь от восточныя страны именем Мамай ельлин сый родом, вероу же идоложрец и иконоборец, злый христіянский ненавистник и укоритель. И вниде в сердце его дьявол подстрекатель на кровопролитие, иже всегда пакости дея христіяном. И наусті его разорити православную веру и все христіянство, яко да не славится в них, в людех тех имя господне, что господь восхошет, то и творит. || Тот же безбожный царь Мамай нача завидеть первому Батыеви и второму безбожному Батю. И нача испытывать старых еллин, како Батый пленил Киев и Володимер и всю Русь словенску, и како уби князя Юрья Дмитриевича и мнози православные князи изби, и мнози монастыри плени и оскверни вселенну пречистую церковь, разграби злато. И бысть ослеплен очима. Того ж не разумѣша нечестивий, яко господу годѣ, тако и будет, яко же во оны дни Иерусалим пленен бысть мерским царем Навходоносором вавилонским за их согрешение, но не до конца прогневается господь, ни в веки враждует.

Л. 215
об.

Слышав же безбожный царь Мамай и нача дьяволом палим бысть, непрестанно ратуя на христіянство. Нача глаголати ко своим упатом, и князем, и уланом, яко «хощу аз тако творити, како Батый. Аз князи

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 215.

²¹ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище»..., с. 431.

²² Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 491—499.

их иждену, а котóрыя грады их красны, тех хочу видети тѣхо и безмятежно».

Но рука божия высока. По малых же днех и по глаголах его царь Мамай перевезеся великую реку Волгу со всеми силами своими. И многи орды совокупѣ с собою, глаголя им яко обогатѣете русским златом. И поиде на Русь сердитую, яко лев пыхая, и яко неутолѣмая ехидна. Добиде же
 а. 216 до устья реки Воробнежи, прииде, || и распусти рать свою, и заповеда им, глаголя, яко «ни един вас не пашет хлѣба: будите готóвы на Русскую зѣмлю, на хлѣбы».

Слышав же то Олег, князь Рязанский, яко царь Мамай близ кочѣет, а идет на Русь с ратью, стоит на Воробнеже, а идет на великаго князя Димитрия Ивановича. Бысть же у Олга, князя Рязанскаго, скудость ума во главе и сатана ухищрѣние вложи в сердце его. Нача посылать посла своего к Мамаю царю со многю чѣстїю и з дары. Ярлык же свой писа к нему сїце: «Востóчному царю Мамаю твой посаженый присяжник Олг Рязанский. Слышах тя господина многомилостива, хощеши ѣтти на Русь, на своего посаженника и службника, на князя Димитрия Московскаго, огрозїтиса ему хощеши. Ныне же, господине, приити ти время есть, злата и сребра наболниса земля его. И тако бо вем, всесвѣтлый царю, яко кроток естъ человек Димитрий. Егда же услышит имя ярости твоея, то отбежит от тебе в дальний оток, где есть мѣсто пусто и неключимо. Злато же и богатство все будет в твоих руках. Мене же, раба твоего, царю пощади держава твоя. Аз бо Русь велми устрашаю и князя Димитрия. Но и не то одно царю, егда о своей обиде || и твоим именем погрожу ему, а он о том не радит, еще де град мой, Коломну, взял за себя. Да о том овем молю тя, царю, не презри молѣния моего». Ярлык списав, посла же не послав. Но посла посол свой к великому и к велеречивому и к велеумному Олгирду Литовскому, смысливше худым своим умом, и писа грамоту сїце: «Великому князю Олгирду Литовскому Олег Рязанский пишад радоватиса. Ведаю яко издавна мыслил еси на Московскаго князя Димитрия изогнати его, а Москвою владѣти. Ныне же прише время нам, яко великий царь Мамай идет на него и хощет пленити зѣмлю его. Ныне же приложимся и мы к нему, да тебе даст Москву и инныя присяжныя горы, а мне даст Коломну и котóрыя близ Муром и Володѣмер. Ты же и аз пошлем послы своя к нему и дары, елико имам какия. И пиши кнѣги ему елико сам веси паче мене. Аз же писах, но не послах: хочу заедно с тобою и жду твоего покличаря».

Прииде же посол и вдаст грамоту Волгерду от Олга. Олгерд же прочет грамоту и рад бысть и похвалив друга своего Олга великою похвалою. И посла посол свой к царю, и дары безчисленныя, и к нему писа сїце: «Великому || восточному царю Мамаю князь Волгерд Литовский. Много слышах, господине, что хощеши улус свой казнити и Московскаго князя Димитрия. Да того ради молю тя, царю, яко обиду сотвори Ольгу Рязанскому, а мне тако ж пакости деет. Но молим тя оба держава царствия твоего, видит твое смотрѣние нашу грубость отъ Московскаго князя Димитрия».

Всѣ же глаголют лѣстїю на великаго князя Димитрия и рекучи в себе: егда услышит имя царѣво и нашу присягу к нему, и он отбежит в Великий Новъград, или на Двиню. А мы сѣдем на Москвѣ и на Коломне. А егда царь не приидет и мы ему болшая сих срящем. Царь же возвратится и мы княжѣние московское разделим: иное к Вѣльне, а иное к Рязани. Но и ведаем, яко царь имать ярлыкѣ дати нам и родом нашим. Но сами ся не ведаху, что глаголют, яко несмысленни и млади умом, аки не ведуще божия силы и владычня смотрѣния: бог дает власть, ему же хощет. По

истинне бо рече: Аще кто держится добродетели, то не может безо многих врагов быть.

Князь же Димитрий Ивановичъ, образ смиренномудрия нося и смирения во высоких ищет, еще не чюявше бывших || сих, иже совещаша на него ближнии его. О таковых бо рече пророк: не помысли ближнему своему зла, то тебя не постигнет зло. Той же паки рече: ров изры, ископа и впадется в яму, юже содела, сам впадется в ню.

Придоша же книги по сорченному словеси от Олгерда Литовскаго и от Олга Рязанскаго к безбожному царю Мамаю, и дары многоценныя вдаша ему, и книги писанныя.

Безбожный же возрев на писания и рече: «Лестию си писалше». И начал думати со алпаусты своими. Они же разумеша яко прилежно писание их,^{л. 217 об.} и рече царь: «Аз чаях яко они с московским князем воедино совокуплены будут на мя. Ныне же разумею, яко разность между ими велика есть, имам убо на Русь быти». Послов же тех чествовах и отпусти их. И написанье им написах: «Ольгирду Литовскому и Ольгу Рязанскому. Елико писаете ко мне, узнах. А на дарех ваших хвалю вам, колико хощете Русския земли и вотчины, тем вас одарю, толко присягу ко мне имейте. Ныне же сретите мя со своими силами, где успеете. Да одолеете своего недруга. Мне ваша помощь не добре надобна. Аще бы хотел, то и своею силою и древний Иерусалим пленил бых. Но чести вашаю хощу. А моим именем и вашею рукою || распужен будет князь Димитрий Московский.^{л. 218} Да огрозится имя ваше во странах ваших. А мне бо достойт победити царя себе подобна и довлеет ми царская честь. Сиче князем своим рчите».

Послы же возвратишася восвойси и поведаше, яко царь здравит и велми хвалит. Он же возрадовавшася о суетном привете скудным своим умом. Что убо сих нареку! Аще бо врази были себе, то о себе бы брань сотворили. Ныне же сия глаголы что есть! Едина вера и едино крещение, а к поганому приложилися и вкупе з безбожным хотят гонити православную веру. О таковых бо рече Патерик: по истинне бо отсекошася своя маслина и присадишася к дикой маслине. И тако сии безбожны отвергошася веры христианския и прилепишася к безбожному.

Олг же нача паче поспешиват и посылати послы к Мамаю царю. И рече: «Падвизайся скоро». О таковых бо рече писание о неразсужденных: пути беззаконных не спеют, но збирают себе досады и понос, правы же пути спеют. Ныне же сего Олга наречем втораго Святополка.

Слышав же то князь Димитрий Ивановичъ, яко грядет на него безбожный царь Мамай, и не уклонима рать на Христову веру, поревновав злому Батыеви. Князь же великий Димитрий Ивановичъ || опечалився^{л. 218 об.} велми о безбожном нахождении, и став пред иконою, иже стоит возглавии ему, и пад на колenu, поклонися, нача молитися пред образом божийм. И рече: «Аще, господи, смею молитися, смиренный раб твой, простри уныние мое, на тя уповаю, боже мой. Разверзи, господи, печаль мою! Ты бо еси свидетель нам, владыко, и не сотвори нам, яко же отцем нашим, яко же наведе на град наш злаго Батия! И еще тот страх и трепет в нас велик есть. Ныне же, господи, не до конца прогневайся на ны. Вем бо, яко мене ради грешнаго, хощеши истребити землю Русскую. Аз бо согреших пред тобою паче всех человек! Сотвори, господи, ради слез моих милость свою и укрепи сердце мое ко свирепому, яко же возвысився Езекию. И рече: на господа уповах и не изнемогу».

И посла по брата своего по князя Владимира Андреевича. Он же бе во своей державе в Боровске. И посла по вся воеводы и поместные князи. Князь же Владимир Андреевич приехав вбóрзе вó град Москвú, и мнóзи князи и воевóды съехашася. Князь же великий Димитрий Ивáнович поим брата своего, князя Владимира, и иде ко преосвященному митрополиту Киприяну. И рече: «Веси ли, господине, отче, настоящую беду на нас, я́ко Мама́й царь идет на нас || в неукротиме образе и я́рости?». л. 219 Преосвященный же митрополит Киприан рече великому князю Димитрию: «Пове́ждь ми, господине, чím еси не испрáвился ему?». Князь же великий Димитрий Ивáнович рече: «Испрáвих бо ся, отче, всем да велика к нему по уставу отец своих, но еще и бóле того воздах ему». Преосвященный же митрополит рече великому князю: «Видиши ли, господине, попу́щением божиим и наших рáди грехóв идет пленить землю Рýсскую. Но вам подобает, князем рýсским, тех утолйти ради християнскаго наро́ду чет-вери́цею и сугубою, дабы не разрушил Христовы веры. Аще не сми́рятся, то господь гордым протíвится, смиренным же даёт бла́гость и господь бог смирит его, я́ко же иногда случися великому Васи́лию в Кесарии: идый на него злýй преступник ис Пёрс злых, хотя разорити град его. Он же помоли́ся богу со все́ми християны и собраше злáта много, дабы отступника утолйти. Он же бóле возя́рився. И господь посла на него вóбина своего Мерку́рия. Он же уби гонителя мечём невидимо. Ныне же возми, господине, злáта, колико ймаши, и пошли к нему исправися ему еще».

Князь же великий Димитрий Ивáнович, слы́шав от архиепископа и иде с бра́том своим в казну свою, || и в́зём злата мнóго. И нача избирáти ю́ных от двора своего. Избра юношу довóлна смýслом, именем Заха́рию Ташкова. И дав ему довóлно злáта и два толмача, уме́юща языку е́льлин-скому, и отпусти ко царю. л. 219 об.

Захария же, до́йде земли рязáнской, и слы́шав то, я́ко О́льг Рязанский и О́лгерд Литовский прилож́ились к Мамаю царю. И посла к великому князю тайно посла. Князь же великий, слы́шав то, з братом своим нача сердцем своим двизатися, оба я́рости и го́рести напóлнився. Став, нача моли́тися: Господи бо́же мо́й, на́ тя наде́юся вправду. Ты́ бо еси во́лю твори́ши любя́щим тя. Аще ми вра́г па́кости деёт, то подобает мне протíву его итти, я́ко й́скони е́сть враг христия́нству. Но сии дру́зи мои и бли́жнии мои тако на́ мя умы́слиша. Суди, господи, по пра́вде между их и мною, а́з бо ни еди́наго сотворих зла им, разве че́сти и дарóв от них приима́х и й́м воздаях. Но суди, господи, по пра́вде моёй, да сконча́ется злоба грешных!

По́йм же брата своего, князя Владимира, и иде второ́е ко преосвященному митрополиту Киприяну, и поведе ему как прилож́ились и совокупились с Мама́ем два князи: рязанской и литовской. И рече преосвященный митрополит Киприан: «То и са́м паки, княже, веси, ко́ю обиду сотворил еси им?» || Князь же великий, прослезився, и рече: «А́з есми, господине, грешный человек пред богом, а к ним ни еди́ною черто́ю не преступих по отец своих уставу. Но и сам, отче, веси я́ко довóлен есми вóтчиною своёю, но к ним ко́ю обиду сотвори́х, не вём, что рáди умно́жися стужа́ющим ми».

Преосвященный же митрополит рече к великому князю: «Просвети, господине, очи свои веселием. Ты сам, господине, разуме́еш закон божий, кто творя пра́вду, не подви́жутся на него человецы, я́ко праведен господь и пра́вду возлюби. Ныне обидо́ша мя, аки пси мнози пустошнии, сýетно и тщётно поуча́ются. Ты же й́менем господним протíвися им и господь правдив, — бу́дет ти помощник. Аще ли ничто от всеви́द्याщаго его о́ка где мо́жеша избыти и от крѣпкия руки его».

Князь же великий Димитрий Ива́новичъ з братом своим князем Влади́мером и со все́ми русскими князи и воеводы яко уста́вит стра́жу тверду. И посла́ша на сторо́жу крѣпкия юноши: Родиона Ржевскаго, Васи́лья Тупика, и повеле им ехати бли́з орды и до Быстрыя сосны. И повеле им языки добы́вати, дабы истинно слы́шали ца́рево хотѣние.

Грамоты же разослав князь великий по всем градом: «Да будите готови на брань и збирайтесь на Коломну || битися з безбожными агаряны, л. 220
вси бо на мя собращася сопостати. Но по́мощию божиею и молитвами об.
пречистыя богородицы изы́дем к нѣм во стрѣ́тение». Сторожи же в по́ле замедлиша. Он же другие сторожи посла и повеле им вскоре возврати́тися. А послал Клі́мента Поляни́нова, да Ива́на Свя́слова, да Григо́рья Судока и иных мно́гих с ними. Они же сretoша Васи́лья Тупика еще близ Оки реки, ведуще язы́к к великому князю. Язы́к же пове́да вели́кому князю, яко неложно и́дет ца́рь на Ру́сь, совокупився со многими ордáми, и еще с нѣм совокупи́лися Ольг Рязáнский и Ольгерд Литовский. Не спешит бо ца́рь того ради, яко бсени жде́т: хо́щет бы́ти на русския хлѣбы.

Князь же великий Димі́трий се слы́шав не ло́жно таковое воста́ние безбо́жных, и нача утеша́тися о бозе, и укрепляя брата своего князя Влади́мира, и все русския князи, глаголя им та́ко: «Бра́тия моя, русстии князи, и воево́ды и боля́ря! Гнездо есмя князя Влади́мира Ки́евского, иже изведе нас от стра́сти е́льинския, ему же откры́л е́сть господь правосла́вную ве́ру, яко же оному стрити́лату, и па́ки он же запове́да на́м ту ве́ру крѣ́ще держа́ти и побора́ти^а по ней. Но аз, бра́тия, за ве́ру христи́янскую гото́в || есми у́мрети!». И рече князь Влади́мир Андре́евич и л. 221
все русския князи: «Воистинну, господине, за́конную за́поведь крѣ́по совершаеши и свято́му евангелию послѣ́дуеши. Пи́сано бо е́сть: «аще кто постра́жет за имя мое, аз упокою́ его». Мы же, господине, гото́вы есмя все умрети и головы своя сложити за Христо́ву ве́ру и за святыя церкви и за твою оби́ду, вели́кого князя».

Князь же великий Димі́трий Ива́новичъ, слы́шав от брата своего и от всех русских князей, яко дерза́ют и побора́ют по правосла́вной ве́ре Христо́ве. Князь же вели́кий рече всем князем и воево́дам бы́ти на Успе́ньев день пречистыя богородицы на Коло́мну, яко да приберѣм полки и да́м коему́ждо полку воево́ду.

В то́ же время приспѣ́ша князи белозѣ́рстии, подбѣ́ни су́ть во́ином крѣ́пким, вельми доспешны и конны воински наряжены. Под нѣми князь Фѣ́дор Семѣ́нович Белозѣ́рской, князь Семѣ́н Миха́йловичъ, да князь Андре́й Ке́мской, да князь Гле́б Ка́рголомской. И приидѣ́ша князи яросла́встии со все́ми си́лами: князь Андре́й Яросла́вский, князь Рома́н Прозбо́ровской, князь Ле́в Серге́ховский, князь Дми́трий Росто́вский и инѣе мно́гие князи. Убо же, бра́тия, стук стучит и гром гремит. В сла́вном граде Мос́кве стучит рать москoвская вели́каго князя Димитрия Ива́новича. ||

О хо́ждѣнии в Трои́цкой монастырь вели́кого князя Димі́трия Ива́новича и о благосло́вѣнии и о проро́чествѣ святаго о́тца Серге́я. л. 221
об.

Князь великий Димитрий Ива́новичъ, взем с собо́ю брата своего, князя Влади́мира Андре́евича и мно́зи князи, и боля́ре великия, и и́де в монастырь святы́я Троицы ко свято́му игу́мену Серге́ю. И шѣ́д, получи́ благосло́вение от него и от всея оби́тели его. И скоро хоте и́тти от него к Мос́кве. Моли́ же его святы́й Серге́й, вели́каго князя, да бы́ша у них во оби́тели слушал обедни. И приспе тогда день святых мученик Флора и Лавра. По сконча́нии же обедни моли́ его святы́й Серге́й со всею братье́ю мнѣ́хи, дабы у них вкуси́л хлѣба на трапѣ́зе со все́ми князи и боля́ры.

^а В ркп. поварати.

Князю же великому нужно бе, не хотя слѹшати литургии, ни хлеба вкусити у преподобнаго Сѣргия. И прискочише бе ту к нему вѣстницы сѣце глаголюще, яко царь Мамай с татары бѣжится на Русь. И молящуся князю святому, дабы его отпустил немедленно. Святой же сѣце рече ему о замедленіи: «Се тебе, князь, сѹть бо поспешитися святою Троицею. Бѹдет ти венѣц носѣти великія сѣя победы, но ни еще не поминувших
л. 222 ти летех, а и инем уже мнозем плетѹще венцы. Токмо ты сотвори || послушание».

Слышав же се князь от святаго и бояря, и вкуси хлеба, и сотвори болю его, вшед в трапѣзу з братом своим и со всеми князи и бояры, и вкуси хлеба святѣя обители.

Святой же Сѣргий повеле в то время воду свѣщати со образа святых мученик Флора и Лавра и скорѣ принести к себе. Князь же великій скорѣ от трапѣзы востав. Преподобный же окропи его тою святою водою и все воинство его. И даст ему знамение — крест Христов. Глаголя сѣце: «Поиди, господине сыну ѡмя нарѣк господа нашего Иисуса Христа, то да будет ти поможѣ сѣя». Потом же тако рече ему: «Имаши победѣть враги своя и здрав восयोи возвратитися».

Князь же великий, прослезився. И испроси у него благословения дара. Преподобный же Сѣргий рече ему: «Елико ти довлѣет твоему господству, что ти бѹдет прибоже? И рече ему князь великій: «Дай ми, отче, два некія мниха воеводы от полку своего, то и ты с нами пособствуй». И рече ему преподобный старец: «А ких, господине?». Рече же ему князь великій: «О двою братех, о брянских боярех — Пересвѣт и брат его Ослебя». Преподобный же повеле им скорѣ готѣвиться. Они же яко ведоми сѹть ратници, послушание скорѣ сотвориша. Преподобный же ||
л. 222 об. Сѣргий даст ѡм в тленных оружіе, вместо нетленных, и многъ тверд доспѣх, крест Христов нашѣт на схимах их, и повеле им вмѣсто доспѣха возлагати на себя. И даст их в рѹце великому князю, и рече ему: «Се ти оружницы, а твои излюбленницы». И рече ѡм: «Мир вам, братія моя! Постражите яко доблии воины Христовы». И всему православному христианству даст Христово знамение. И даст им мир и благословѣние.

Князь же великій Димитрій Ивѣновичъ обвеселися сердцем, не повѣда никому же, еже рече ему старец, и поѣде ко граду Москве, аки некое многоценное сокровище обрѣте, радуясь о благословѣнии старца.

Приѣде же во град Москву и поѣм брата своего, князя Владимира, и ѣде ко преосвященному митрополиту Кипріяну и повѣда ему единому, еже рече святѣй старец ему, и како даша ему благословѣние. Преосвященный же митрополит рече ему: «Никому же, господине, не поведай сего».

Князь же великій ѣде в лѣжницу свою, яко же вечеру сѹщу. Приспѣвшу же дни четвертку месяца августа в 22 день на пѣмѣть святых мученик Агафѣника и Аѹппа. Восхоте уже изыти князь Димитрій Ивѣновичъ
л. 223 противу безбожных печенѣг, || и поѣм брата своего, князя Владимира, и ѣде в церковь Пресвятыя богородицы, и став пред образом господним, и согнѹв рѹце свои к персем, и рече во умилѣнии сердца, слѣзы от ѣчию его яко истѣчник проливѣется, глаголя: «Молю ти ся, боже пречѹдный, владыко страшный и кроток, войстинну еси царь славе, помилуй нас грѣшных! Егда унываем от скорбѣй наших и к тебе прибегаем: единому спасителю нашему. Тебе бо лѣпо есть мѣловать и спасѣти нас, под твоѣю бо рукою есмы. Вѣм бо, господи, оставляющему нас, нам тебя взыскаѹщим». И инѣя многая ему глаголюще и молящеся. Приѣм псалом 34 и рече: «Суди, господи, обидѣщая мя и возбрани борѹщая мя, прими оружіе и шѣт и востани в поможѣ мне, да постыдѣтся и посрамѣтся являющей рабѣм твоим злая. Дай же ми, господи, поможѣ на противныя, да и те

позна́ют сла́ву имени твоего». И па́ки и́де пред обра́зом чюдотво́рных ико́ны Пречисты́я цари́цы богороди́цы, ю́же Лука евангели́ст писа́л при живо́те ея. И нача́ уми́лно веща́ти ко пречистому́ образу, и рече: «О, чюдотво́рная госпо́же цари́це, всего́ живо́та челове́ческаго корми́тельница! Тобо́ю позна́хом и́стиннаго бога́ нашего, ро́ждша́гося от тебе. Не да́й же, господи́, в разоре́ние || гра́да нашего́ пога́ному царю́ Мама́ю, ниже́ оскверни́ти святу́ю твою́ церковь. Моли́ сына́ своего́ и бога́ нашего́, влады́ку творца́ и соде́теля нашего́, и даст нам господь ру́ку свою́, смири́т сердце врагомъ на́шим, и не бу́дет рука́ их высо́ка, и свою́ по́мощь послы́ на́м, госпо́же, и нетле́нную свою́ ризу́ да́внюю одее́мся, и не стра́шливи бу́дем к рана́м их. И моли́твою́ еже к сы́ну своему́ помоли́ся за ны́, я́ко твои́ есмя ра́би. Ты́ бо, госпо́же, богомъ ро́жденна́ еси́, роди́теля же твоя́ еди́наго Авраа́ма вну́цы с на́ми. Ве́м бо, госпо́же, я́ко хо́щещи на́м да́ти по́мощь на́ противны́я враги́. Оне́ бо не испове́дают тебе́, влады́чице. Но а́з на твою́ по́мощь наде́юся, подвиза́юся проти́ву безбо́жных си́х. Да бу́дет умоле́н тобо́ю сынъ тво́й и богъ на́ш!».

л. 223
об.

И и́де ко гробу́ блаже́ннаго но́ваго чюдотворца́ Петра́ и любезно́ рече: «О, преподо́бне отче чюдотворный́ святите́лю! И по сме́рти жи́в еси́, чюдеса́ твори́ши непреста́нно. Ны́не бо ти приспе́ вре́мя моли́тися за ны́ ко о́бщей влады́чице́ всех. Днесъ́ бо злы́я ве́щи належа́т на́м, погани́и бо и́дут на мя́, раба́ твоего́, и кре́пко ополчи́шася на градъ тво́й Москву́ напра́сно воору́жаются. Тебе́ бо господь прояви́ последне́му ро́ду ны́нешнему́, еже господь́ ты́ све́тло, я́ко свещу́ на свещни́це, и тебе́ подоба́ет моли́тися о на́с, да не прии́дет на́ ны́ рука́ грешни́ча. || Ты́ бо пра́вый на́ш во́дитель еси́ и стра́ж, я́ко от твоею́ есмя па́ствины».

л. 224

Сконча́в моли́тву и поклони́вся митрополи́ту. Онъ́ же благослови́ его́ и отпу́сти его́, и даст́ ему́ Христо́во зна́мение на челе. Посла́в же освяще́нные собо́ры с крýлосомъ во гра́дныя врата́, во Фро́ловския́, в Константи́но-бленския́, и в Нико́льския́ врата́ со честны́ми кресты́ и с чюдотворны́ми ико́нами. Да вся́к же вои́н благослове́н бу́дет.

Князь́ же вели́кий Дими́трий Ива́новичъ по́иде з бра́томъ своимъ в церковь́ небесна́го воево́ды архистрати́га Миха́йла и мно́го моли́вся свято́му образу́ его́, и присту́пив ко гробу́ правосла́вных князе́й, прароди́телей своихъ, реку́чи: «Войсти́ну есте́ храните́лие и правосла́вныя ве́ры поборо́нницы. Аще́ има́те дерзнове́ние ко госпо́ду, помоли́тися и о на́шем уны́нии, я́ко вели́ко воста́ние прикля́чися на на́с. И а́з ны́не убо́ и вы подвиза́йтесь с на́ми». И сия́ ре́к, изыде́ из церкви́.

Княгиня́ же вели́кая Евдоке́я и княгиня́ князя́ Влади́мира, и иныхъ правосла́вных князе́й княгини́ с воеводскими́ жена́ми ту сто́яше и прово́жаше́ вся́каго служи́ваго чина́, ко́яждо своего́ мужа́, во слеза́х захли́пашеся́ ко серде́чному, ни едина́ не мо́жет словеси́ во слеза́х рещи́. Княгиня́ же вели́кая Евдоке́я отда́ст конече́нное целова́ние госуда́рю своему́, вели́кому князю́ Дими́трию. А во слеза́х не мо́жет сло́ва промол́вити. Князь́ же вели́кий Дими́трий ма́ло удержав́ся от слез, не прослезы́ся || наро́да ради́, а сердце́м кро́вно пла́ча, те́шаше́ свою́ кня́гиню вели́кую. И рече́: «Жено́, аще́ господь́ по на́с, то кто́ мо́жет на на́с зло помы́слити». И прочие́ княгини́ и бо́йрони́ и воеводския́ жены́, ко́я своимъ кня́земъ и бо́яром отда́ша конече́нное целова́ние и возврати́шася с че́стью.

л. 224
об.

Князь́ же вели́кий Дими́трий Ива́новичъ вступи́ во златокованное́ стреме́я и сяде́ на своего́ любима́го коня́. Все́ же князи́ и воево́ды на свои́ кони́ изседо́ша. А солнце́ со вхо́да све́тит в пу́ть его́, и ве́трецъ тихъ и те́пл по нимъ ве́ет. Уже́ бо тогда́ я́ко соколы́ от златы́х коло́диц рва́хуся. Вые́хали́ князи́ бело́зёрстии́ ис ка́меннаго́ города́ Москвы́ своимъ полкомъ. Ура́днии́ бо полцы́ ихъ ви́дети, я́ко досто́ит имъ избива́ти ста́до лебяди́ное, бе́ бо хра́бро вои́нство́ ихъ. Князь́ же вели́кий Дими́трий Ива́новичъ рече́

брату своему князю Влади́миру Андре́евичу и инѣм князем и боля́ром и воево́дам: «Бра́тия моя ми́лая! Не пощади́м живота́ своего́ за ве́ру хри́стианскую и за святы́я церкви, за́ землю Русскую!».

И взговорит князь Влади́мир Андре́евич: «Господине князь Дими́трий Ива́нович! Воево́ды у нас велми крѣпцы, а русская удалцы велми све́домы, имѣют под собо́ю борзы кони, а доспѣхи имеют вельми тверды, злаченыя
л. 225 калантыри и буданы булатныя, и комчары фряз||ския, ко́рды ляцкия, су́лицы неме́цкия, щиты черлѣныя, ко́пья злачѣныя, са́бли булатныя. А до́рога ѣм велми све́дома, берѣза им по Оке ре́це изгото́влены, хотят го́ловы своя сложи́ть за ве́ру хри́стианскую и за оби́ду государя вели́каго князя».

Князь же вели́кий Дими́трий Ива́нович отпусти брата своего, князя Влади́мира Андре́евича на Браше́во доро́гою. А белозѣ́рския князи отпусти Болва́новскую доро́гою, рекше Деревѣ́нскою. А са́м по́йде на Котлы. Спереди ему солнце сия́ет и добре гре́ет, а по нем крѣ́ткий ве́трец ве́ет. Не пошлѣ́ бо того ра́ди еди́ною доро́гою, я́ко не вме́стѣтися ѣм.

Княгиня же вели́кая Евдоке́я с свое́ю снохо́ю и с инѣми княги́нями и воеводскими жена́ми взы́де на златове́рхней сво́й те́рем в на́бережной, и сѣде под ю́жными о́кны и рече: «У́же бо ко́нечное зрю на тебя, вели́каго князя». А в слезах не мо́жет сло́ва сих рещи. Сле́зы бо от о́чию ли́ются, а́ки рѣ́чныя быстрины. Воздохну́в печа́лно, сши́б ру́це свои к персем и рече: «Господи́ бо́же вели́кий, прѣ́зри на́ мя, смире́нную, сподо́би мя еще́ ви́дети государя своего́, князя сла́внаго во челове́цех вели́каго Дими́трия Ива́новича. Да́й же, господи́, ему́ по́мощь от крѣ́пкия руки твоея. Да по́бедѣт проти́вныя своя. Не сотвори, господи́, я́коже за ма́ло лѣ́т || брань
л. 225 об. была на ре́це на Ка́лке хри́стианом с тата́ры от зла́го Бати́я. От Кали́нскаго побѣи́ща до Мама́евы рати 160 лет. От тако́вѣх же бе́ды и ны́не, господи́, спаси и поми́луй! Не да́й же, господи́, ны́не поги́бнуть оста́вшему хри́стианству. От то́е бо ра́ти Русская зе́мля уны́ла, ни на ко́во же наде́жды не ѣ́мам, то́кмо на тебя, всеви́дящаго бога. А́з же, уны́лая, имѣю́ две отрасли: кня́зя Васи́лья, да Ю́рья. Но еще́ и те ма́ли су́ть. Егда пове́ет ве́тр ѣм с ю́га, или з за́пада, то не могу́т терпе́ти, ни на чо́ что опи́ра́ясь. Или их знѣ́й поразит, та́коже ѣм поги́бнуть. А проти́ву сему́ что сотвори́м! Возврати́ им, господи́, отца́ их по здо́рову, то зе́мля их здо́рова бе́дет. А он во́ веки ца́рствует». Князь же вели́кий Дими́трий Ива́нович поят с собо́ю от суро́жан, рекше от гостѣ́й, я́ко 10 мужѣ́й, пове́дания ра́ди далних зе́мель, да а́ще что случи́т госпо́дь бог, те́ же имѣю́т пове́дать в да́лних зе́млях, я́ко гостѣ́бницы су́ще. 1-го гостя́ — Васи́лья Ка́пицу, 2 — Си́дора Олфе́рьева, 3 — Конста́нтина Болко́ва, 4 — Козму́ Кове́рю, 5 — Се́мена Корто́нбса, 6 — Миха́йла Самарѣ́ева, 7 — Тимофе́я Веса́кова, 8 — Дми́трея Черна́го, 9 — Ива́на Шиха, 10 — Де́ментия Сара́ева.
л. 226 Тогда́ взве́яша си́лнии ве́три по доро́ге ши́ро́це || и воздви́гошася вели́чии князи, а по них ру́сскія сынове спѣ́шно гряду́т а́ки ме́двяныя чаши пи́ти и стебли ви́нны я́сти гряду́т, хотят уку́пить че́сти сла́внаго ѣ́мени в ве́ки зе́мли Ру́сской вели́кому князю́ Димитрию́ слы́ти. А го́рмко ворга́ны бы́ют, ти́хо с поволо́кою ра́тныя тру́бы тру́бят, многогла́сно и ча́сто кони ржѣ́ют. Звени́т сла́ва по все́й зе́мли Ру́сской вели́ковече́не бы́ют.

В Вели́ком Новегра́де сто́ят му́жи новгоро́дцы у Святы́а Софе́и Премудро́сти бо́жии. А реку́чи ме́жу собо́ю тако́во сло́во: «У́же на́м, бра́тие, на по́мощь не поспѣ́ти к вели́кому князю́ Дими́трию Ива́новичю, у́же бо я́ко о́рли слете́лися со всея́ Ру́сскія зе́мли, съѣ́хались дѣ́вныя у́далцы хра́брых своихъ пы́тати».

Не сту́к сту́чит, ни го́рм гре́мит. По зоре́ сту́чат и гре́мят ру́сскія у́далцы. Князь Влади́мир Андре́евич во́зится́ че́рез Оку́ реку́ на Кра́с-

ном перевёзе в Бóровце. Князь великий Димíтрий Ива́нович прииде на Колóмну на пáмьять святаго отца Моисéя Му́рина, в среду áвгуста в 28 день. И ту бýша мнози князи и боля́ря, и воево́ды, и рáтницы стрéтоша его на рéчке на Сёвке. Епископ же Евфíмий стрéте его во вратéх градных со честными кресты и с чюдотворными ико́нами, и со всём крýлосом, оградив || его крестом и молитву сотвори: «Спаси, боже, люди своя вёсь до конца».

л. 226 об.

Во úтрий же день князь великий повеле всем воеводам в́ыхати на́ поле Девíчые и всём лю́дем снимáтися в четверг áвгуста в 29 день на пáмьять Усекновения честных главы Иоáнна Предтечи.

По заутрене нача́ша мнози глáси трубы рáтныя гласíти и варга́ны тепу́т. И стязи реву́т наволочáня в саду Памфíлове. Сынове же ру́сския наступáют по́ле Колóменское, я́ко нéмошно кому же презре их.

Князь же великий, в́ыхав з братом своим, и в́идев мно́жество людей, возра́довася рáдостью и обвесели́ся сердцем, урядив коемуждо полку воево́ду. А себе приём князи Белозёрския, храбри бо суть в рáтное время. А брáту своему, князю Влади́миру, да́ст Яросла́вския князи. С пра́вую же руку себе урядив брáта своего, князя Влади́мира Андре́евича. А с лéвую ру́ку себе урядив князя Гле́ба Друче́вскаго. Передовой же по́лк Дмíтрий Всеволо́ж да брáт его Влади́мир. Колóменскаго же полку воево́да Ми́кула Васи́льевич. Влади́мирскаго полку воевода князь Рома́н Прозо́ровской. Юрьевскаго полку воево́да Тимофе́й Волу́евичь. Костромскаго полку воевода Ива́н Радио́нович Квашня. || Переясла́вской воевода Андре́й Сири́кизов. У князя Влади́мира воево́да Дани́ло Белеу́т да Конста́нтин Ко́нонович, Меще́рьской, воево́да князь Федор Еле́цкой. Му́ромския же князь Ю́рьи и князь Андре́й.

л. 227

Князь же великий Димíтрий Ива́нович, урядив полки и повеле им за Оку реку вози́тися, запове́дав же вся́кому человеку и рече: «Кто ни пойдёт по земли Рязáнской и по улýсом их, да никто не приткнётся ни ко еди́ному влáсу в земли их». Са́м же взем благосло́вение от еписко́па Колóменскаго и повезе́сь за Оку реку. И посла трех стороже́й избранных в́итязей и рече им: «Нолны своима очима в́идитесь с татарскими полки». А посла Семёна Ме́лика, да Игна́тья Кре́ня Бромутина, да Петра Го́рскаго, Ка́рпа Оле́ксина, Петра́ Чю́рикова и иных многих посла с ними. И рече князь великий брáту своему князю Влади́миру: «Поспешим, брáтие, протíву безбожных сих. Не уту́лим лица своего от погáных. Аще и смерть случи́тся нам, до́ма живучи еди́на́ко умрети же. А смерти во брáни не избы́ти. Всяк бо иды́и путём, призы́вая и бога на помо́щь и сродники своя, русския князи Бори́са и Гле́ба».

Слы́шав же князь О́льг Рязáнский, что князь Димíтрий Ива́нович собра́ мно́го || рáти и идет во стрéтение безбо́жному царю Мама́ю, а сердцем не опално и твердою своёю ве́рою крепко хочет с погáными в́идетися, имея упова́ние на бога вседержителя. Князь же О́льг Рязáнский нача преходити от ме́ста на место и глаголати со своими боля́ры: «Началному делу неудо́бь быти разумну. Аще бо мо́чно послати ко многоразумному Бо́лгирду таковаго вéстника, ка́ко мыслити на́м, уже́ бо заступили́ пути на́ша. Но аз убо по пра́вилу ча́ях, я́ко не подобáет вели́кому князю ру́сскому протíву безбожных итти. Ныне убо что здумал! Откуда́ бо себе по́мощи ча́ет, я́ко протíву трех нас воору́жился!». И рекóша ему боля́ре его: «Мы слы́шахом, княже, за 15 дней до сего́ дне и не сме́ли тебе пове́дати. Ска́зывают в вотчине его́ е́сть калуге́р свят, и́менем Серге́й, и прозорли́в велми. Тот де ево́ благослови́л, ору́жил протíву нам. Да ещё́ де и от своих калуге́ров дал ему посо́бники».

л. 227 об.

Слы́шав же то князь О́льг Рязáнский, устращи́сь сердцем и рече: «Падёся мы́слию». Нача́ боя́ться бога и серди́товати на бо́яр своих: «Почто́

л. 228
 069
 вы мне преж сего дни не сказа́ли, дабы шѣд, умоли́л нечесті́ваго царя, ничтоже бо зла сотвори́л Рѹсской земли, но изгуби́х || ум сво́й. И не аз еди́н оскуде́х умом, бо́ле мене е́сть Во́лгирд и то́т ся продѹмал. Мене же бо́ле его бог възыщет: он бо имѣет закон Гугни́ваго Петра, аз же разуме́х и́стинныя ве́ры закон. Но что ра́ди зло сотвори́х!» Того бо ради рече: «Аще раб не соблюдет за́поведи господина своего, би́ен будет». Ныне убо аз что сотвори́х и которому вда́хся. Ныне убо что здума́ете ми! Приложи́л бо ся вели́кому князю и побарал бых по нем, то отню́д не приимет мя. Ве́дает бо мою измѣну. Аще ли приложю́ся царю, то поистине дре́вний го́нитель буду на правосла́вную ве́ру Христову, яко же иногда Святопо́лк жива земля пожре́т мя. Аще ли госпо́дь по ни́х, то кто на них мо́жет зло дѹмати. Но еще мо́литва о́наго прозорли́ваго мнѣ́ха к богу. Или ни еди́ному по́мощи не сотворю, то впрѣ́д како могу́ от обоих прожѣ́ти? Ныне же кому́ госпо́дь поможет, к тому́ и прися́гнуу».

О́льгирд же по реченному словеси и уро́ку совокупил литвы много и ва́ряги и жемо́йты, и по́иде на по́мощь к Мама́ю царю. При́иде же в Оду́ев, и слы́шав я́ко О́льг убо́яся итти. О́льгирд же пребы́сть в Оду́еве не подви́жесе ни́гдѣже. И нача размы́шляти сѹетныя свои́ по́мыслы и ви́дев совокупле́ние свое || ра́зно, нача рва́тися и сердитова́ть, и нача има́ти па́кы своя, е́лико не доста человеку ума́ своего и мудрости, то всѹе требова́ти чю́жаго ума́ и мудрости. «Нико́ли ж бо Литва ху́лима от Ряза́ни. Ныне же изведе́ мя от ума́ О́льг Ряза́нский, а сам пре́же мене поги́бе. Ныне убо пребуду́ зде, до́нде же услы́шу побѣ́ду князя Дми́трия Моско́вскаго».

л. 229
 069
 В то́ же время слы́шав князь Дми́трий Бря́нский и князь Андре́й Полоцкі́й Во́лгирдовичи, что вели́ко належа́ние князю́ Дми́трию Моско́вскому от безбо́жнаго царя Мама́я. И рече князь Андре́й Во́лгирдовичь: «И́дем и мы з бра́том своимъ вели́кому князю́ Дми́трию на́ по́мощь». И писал гра́моту к бра́ту своему́ князь Дми́трию: «Веси́ ли, бра́те мой ми́лый, отко́ле отецъ наш отве́рзе нам от себе. Но па́че отецъ наш небесны́й присво́и нас к себе, и даст нам госпо́дь законъ свой хо́дити по нем, отрѣши́ от нас пу́стшныя сѹе́ты. И что возда́димъ ему́ проти́ву тако́ваго дарова́ния. Ско́нча́ем, бра́те, по́двигъ добропо́движны́й ко Христу, но по́идем, брате, на́ по́мощь к вели́кому князю́ Моско́вскому. Вели́ка бо ему́, бра́те, туга належа́т от пога́ныхъ тата́р. Но еще отецъ наш побора́ет по них, О́льг Ряза́нский приво́дит их на Рѹсь. На́м же подоба́ет проро́чество соверши́ти. Бра́тие пособни́цы быва́йте в беда́х. || Мы же, бра́те, помы́слим, что на́м отцу́ проти́витися. Евангели́ст Лу́ка рече у́сты спаса́теля нашего: «Пре́дани бу́дут де́ти роди́телями на́ смерть и бра́тиею сво́ею, и мертвѣ́ят и имени́ моего́ ра́ди. Претерпе́вый же до конца́, той спасе́н бу́дет». Но изле́зем, бра́те, от пла́вающего на́с и присади́мся и́стинному виногра́ду плодови́тому и хри́стианско дили́тельному руко́ю хри́стовою. Ныне убо подви́за́емся, бра́те». Проче́т же князь Дми́трий гра́моту и нача пла́кати́ся от ра́дости сердца́ своего́ и рече: «Госпо́ди вла́дыко живото́у моему́! Да́й же, госпо́ди, раба́мъ своимъ хоте́ние соверши́ть к сѣ́мъ почестѣ́мъ по́двига до́браго, е́же откры́л еси́ брату́ моему́ старѣ́йшему!». И отписа́ гра́моту бра́ту своему́, князю́ Андре́ю: «Днесь, госпо́дине, гото́в есми́ по тво́ему наказа́нию и ко́лько е́сть во́инства моего́, гото́ви вку́пе со мно́ю, бо́жиимъ промы́сломъ совокупле́ни бы́ша и ины́я люди бра́ни ради належа́щия от дуна́йскихъ ва́ряг. Ныне же слы́шах, бра́те, прии́доша бо ко́ мне ме́доко́рмцы съ Се́вера и ска́жутъ уже́ вели́каго князя Дми́трия Ива́новича на До́ну, я́ко ту́ ужъ де́нь пребы́сть и ту́ хо́щетъ жда́ть сыро́йдець злыхъ. И по́доба́ет ти оти́тти к Се́веру и совокупѣ́мся ту́, под ко́имъ пу́тѣмъ отца́ своего́ ута́ймся, да не возбра́нится на́м бра́нь тѹ́дно».

По малых же днех снидошася желанною || два брата со всеми силами своими. И сии веру свою видевше и возрадовашася, яко же Иосиф с Вениамином, видевше у себе множество людей и единосердечное уряжение, яко нарочиты суть ратницы. л. 229
об.

Приспеша же на Дон вборзе и набахаша великаго князя на Дону на вренем березе стояща. И ту совокупшася велицыи князи. Князь же великий Димитрий з братом своим велми возрадовашася великой силе божией, яко неудобь быти мoshну такому востанию, яко дети оставиша отца и поругашеся ему, яко же иногда волсви Ироду. Князь же великий Димитрий многими дарами почти их, идяху в путь свой, радуящеся и веселящеся о святем душе, земного же ничто же помышляюще, но всего отвергбшася, чаяюще се все иново времени. Рече бо им князь Димитрий Ивановичь: «Братия милая, которые ради потребы приидоште ко мне, воистинну есте ревнители отца нашего Авраама, яко тайны Лбтовы вскоре испыта и подобни есте доблественному великому князю Ярославу, яко той отusti обиду вскоре брату своему». С тем же отослав князь великий ко преосвященному митрополиту Киприяну и рече: «Яко Волгирдовичи приидоша ко мне на посбб со мно||гими силами. А отца своего оставиша поругана». л. 230

Скоро же вестник приехав ко преосвященному митрополиту Киприяну. Архиепископ же, став пред образом господним, и прослезись от радости, нача молитву творити: «Господи, владыко человеколюбче! Яко сопротивнии наши ветри на тишину предлагаеши». И послав во вся соборы церковныи и во обители святых, и повеле молитву творити день и ночь. Борзе всех посла во обитель игумена Сергия, яко аггели молитвы их послушают.

Княгиня же великая Евдокья, слышав толико божие милосердие, и много милостыни сотворивша уббгим. Сама же непрестанно ходяще по церквам день и ночь. Но се паки оставим.

Князь же великий быв на месте реченном Березе. Приспешше же дни четвертку, на память святаго пророка Захарии, сентября в 5 день и на память сродника своего убиеие князя Глеба Владимирича. Приехаша же два от сторожей: Петр Горский да Карп Алексин и приведоша язык нарочит, яко от вельмож тех царевых. Тот же язык поведа великому князю, яко царь на Кузмине гати, но ожидает Олга Рязанскова и Олгида Литовскаго: «Твоего же собрания и стретения царь не знает. А три дни иматъ быти на Дону».

Князь же великий вопроси о силе его. Он же рече: || «Нестъ мощно никому же исчести силы его». Князь же великий нача думати з братом своим и с новонареченною братиею, с литовскими князи: «Зде ли нам пребыти или Дон перевеземся?» И рекоша ему Волгирдовичи: «Аще хощеши крепкаго бою, то повели сего дни возитися реку, да не будет ти ни единого мыслящаго назадъ. Всяк биется безо лъсти. А велицей силе его не веровать, яко не в силе бог, в правде. Ярослав перевезесь реку, Святополка победи. И прадед твой, Александр князь, перевезесь реку, короля победи. И ты нарек бога, тако же твори. Аще побием поганых, то все живи будем. Аще они нас побикют, то все же общую смерть приимем — от простых людей и до князей. Мы убо, господине, видим, яко множество избранных витязей в войску твоём». л. 230
об.

Князь же великий повеле войску своему Дон возитися. Сторожи же мнози ускоряют, яко близятся татаровя. Мнози же русския удалцы возрадовались, зря своего желаннаго подвига, егo же на Руси вжелеша. За многие же дни приидоша на то место мнози волцы, по вся нощи вают непрестанно. Грозѧ бо велика естъ: слышат храбрым полком сердца утвержаёт. И мнози воробы собрашася необычно, не умолкающе || грают. л. 231

Га́лицы же своёю рече́ю гово́рят. И мно́зи орли от у́стья До́ну приспе́ша. Лиси́цы на́ кости бре́шут, ждучи дни грóзнова, богом изволеннаго, во́нь же има́ть па́стися мно́жество тру́па челове́ческаго и кро́вопроли́тия а́ки морски́м вода́м. От тако́ваго стра́ха вели́каго дре́ва прекло́няются и тра́ва пости́лается. И мно́зи от обо́их уны́вают, ви́дяще пред очы́ма сме́рть.

Погáнии же нача́ша студом омрача́тися о по́гибели живо́та своего. Правове́рнии же челове́цы па́че процвето́ша, ча́юще о́наго соверше́ннаго обетова́ния и прекра́сных вене́ц от Христа бога вседержи́теля, о них по́веда преподо́бный ста́рец. Ве́стницы же ускоря́ют, я́ко бли́жатыя пога́ные. Уже́ бо на́прасно прибе́же в сторо́жей в 7 час дни в суббо́ту. Прибе́же Семе́н Ме́лик з дру́жиною своёю и за ни́ми гна́шеся мно́зи от татар. И то́ль на́прасно и безсту́дно гна́шеся до полко́в вели́каго кня́зя. И уви́девше полцы, возврати́шеся ско́ро к царю́ своему и пове́даша ему: «Ру́сские кня́зи ополчи́шася. При До́ну мно́го мно́жество лю́дей». Ско́лко же ви́деша, но и вчетве́ро того́ бо́ле пове́даша. Он же, нечестивый, разже́н бы́сть дья́волом, на́прасно кри́кнувши и рече: «Ко́ло вели́кия || си́лы моея! А́ще сего́ не одоле́ю, то ка́ко могу́ возврати́тися восвое́си!». И пове́ле на́прасно воору́жатыся. Семе́н же Ме́лик пове́дает вели́кому кня́зю, я́ко же ца́рь бредёт на Гу́сине броду: «Уже́ бо одна́ но́щь между́ их полка́ми и нашими́. Да подо́баёт тебе́, вели́кому кня́зю, воору́жатыся се́во дни. У́тре бо ра́но ускоря́ют на нас тата́ровя».

Кня́зь же вели́кий Дими́трий Ива́нович з бра́том своим, кня́зем Влади́миром и с новона́реченною бра́тиею, с лито́вскими кня́зи, и́менем Дми́трей Бобро́ков, ро́дом Во́лынец. И то́т бе нарочи́тый воево́да и полко́водец ве́лми по досто́йнию, и полцы́ уряди, ели́ко где кому́ по досто́йнию сто́яти. Кня́зь же вели́кий поём бра́та своего, кня́зя Влади́мира и лито́вския кня́зи, и воево́ды, и вся ме́стныя кня́зи. И вы́ехав на высóкое ме́сто, и ви́де обра́з свята́й, и́же Иису́с вообра́жен во христи́анских знаменах, а́ки солнце́ светя́щеся. И сте́зи реву́т новона́чалнии простира́ющеся а́ки обла́цы, тихо́ трепещу́ще хоругóви, а́ки жи́вы па́шутся, и доспе́си ру́сския, а́ки во́ды по вся ве́тры коле́блются, шелóмы на гла́вах их зла́том укра́шенны, а́ки у́тренняя за́ря во́ время ве́дряно солнца́ све^а || «Пове́дай ти побéду сию́». Рече́ же кня́зь Влади́мир: «По ми́лости бо́жии и пречи́стыя его́ богома́тере, моли́твами и по́мощию сродни́к ваших, Бори́са и Гле́ба, и моле́нием русскаго святи́теля Петра́ и его́ спосо́бника, игу́мена Серге́я, и все́х свята́х моли́твами супоста́ты наши́ побе́ждены су́ть, а мы спасо́хомся. Слы́шавше же то́ кня́зь вели́кий, и ста́в на́ нозе́ свои́ и рече́: «Сий де́нь, и́же сотвори́ господь, возра́дуемся в о́нь». И приве́доша ему́ ко́нь крбóк. Он же все́де на него́ и иная́ ему́ глаголю́ща мно́га к ним и рече́, И вы́ехав на побо́ище. И ви́дев мно́гое мно́жество побито́ во́инства его́, а пога́ных вчетве́ро того́ бо́ле побито́ых. И обра́тився к Во́лынцу и рече́: «Бра́те Дми́трий! Во́йстинну́ разумли́в еси́ и нелóжна при́ме́та твоя́. Подо́баёт ти́ всегда́ бы́ти воево́дою». И нача́ з бра́том своимъ и с новона́реченною бра́тиею своёю, з лито́вскими кня́зи, || и со и́ными оста́вшими е́здити по побо́ищу, а се́рдцем крича́ше и слеза́ми омы́вашеся. Нае́хав на ме́сто, иде́же ле́жат Бело́зерския кня́зи, вси́ вку́пе посече́ни. И ту ле́жит бли́зь Ми́кула Васи́льевичъ. Над ни́ми же ста́в госуда́рь пропла́кався и рече́: «Бра́тия моя́, кня́зи ру́сския! А́ще име́ете дерзнове́ние ко́ богу, моли́тесь и о на́с. Да вку́пе бу́дем с ва́ми». И па́ки на и́нбе ме́сто при́ехавше. И на́йде своего́ наперстни́ка, Миха́йла Андре́евича Бре́нка, и бли́з его́ Се́мена Ме́лика, кре́пкаго сто́рожа. Бли́з же им Тимофе́й Во́луевичъ, и ту то́же бли́з Пересве́т черне́ц бли́з на́рбчитаго богаты́ря ле́жаща. Ви́дев же сего́ кня́зь вели́кий и рече́: «Ви́дите ли, бра́тия, своего́ зачина́л-

^а В ркп. пропуск.

щика. Тѣмъ бо победы подобна себе человека. Отъ негоже было пѣти многѣмъ горькую чашу». Стоявъ же князь великій за Дономъ въ семь дней, дондеже разобѣша христіянская телеса, || с нечестивыми. Христіян же похраниша кѣлько успѣша, нечестивыя же повержены зверемъ на расхищеніе. л. 233

А поганому царю Мамаю отселе збѣжавшу и добеже, идеже есть градъ Кафа. Имя же свое потайлъ бѣше. И познанъ бѣсть некимъ гостемъ, купцомъ фряскимъ. Ту и убиенъ бѣсть. Удалцы восплескаша въ татарскихъ узорочьяхъ, везучи въ землю свою уюсы и насычи, бугай кони, и волы, и велбуды, мѣды и вина, и сахара.

Превознесѣся слава русская надъ поганыхъ землею. Ревутъ рѣзы великаго князя по всемъ землямъ. Пойде же вѣсть по всемъ градомъ — ко Орнанию и Крыму, къ Кафе и къ Желѣзнымъ вратомъ, и къ Царюграду на похвалу: Русь бо поганыхъ одолѣша на полѣ Куликовѣ на рѣкѣ на Непряднѣ.

Воздадимъ хвалу Русской землѣ, кѣмъ градъ глава всемъ градомъ! Владиміръ и Ростовъ хвалу воздаютъ со всеми грады, прославляючи милость божію во веки векомъ. Аминь.

(Knihovna Narodního musea v Praze, IX.E.60, л. 215—233).

нечестивыми . хртіи не похраниша ко
 лѣса убоиша . нечестивыи поидоу
 ны захрѣмъ нарицѣниис . а по
 царю мамю шель зыѣжаша и доу
 же и дѣже бѣсть градъ кафа . и мѣсто
 поимѣхъ познахъ вѣсть же
 коимъ гостемъ изъцомъ фряскимъ . тѣ
 іукиенъ вѣсть уаалцы асплескѣша
 тѣснѣи узорочѣи азъчи зѣмлю свою уюсѣи
 сычи бугай кони и волы и дѣлуды мѣдѣ
 вина йсахары Препознѣи слава рускам
 иа поганѣи зѣмлю . рѣдѣтъ рози великии
 погѣмъ зѣмлюмъ Пойдемъ оѣсть повѣ
 мѣ градѣмъ ко орнѣи и крѣи и кѣрѣ .
 и кѣрѣ знымъ прѣтомъ , и кѣрѣ градъ
 на похпалъ . руси во поганѣи одолѣша ,
 на полѣи кѣлико оѣтъ . на рѣчѣи не прѣдѣ
 не Познадимъ хвалѣ русеи зѣмлю .
 коѣи градъ главои рѣдѣмъ
 градѣмъ владимиръ іро
 стоѣтъ хвалѣи познѣи
 свѣтѣи грады просла
 вляючи мѣтъ кѣи во
 вѣкии вѣи аминь .